

Я смотрю порнографию в прямом эфире. Стыд следит за мной, как собака. Я слышу в своем сознании: стояк, стояк, эрекция, хардон, вуди, стояк, стояк, стояк, стояк. Что со мной такое?

Может быть, я слишком строг к себе? У меня нет ничего общего с ним, с моим сыном. Но это не значит, что я не могу видеть его таким, какой он есть. Великолепный молодой человек. Милое, но мужественное лицо. Горячее, упругое тело. Думаю, в этом смысле, это как оценивать сладострастную скульптуру в художественной галерее. Я могу признать, что что-то красиво, без необходимости врываться и уносить это с собой домой.

Наверное, это тепло солнца на его теле. Себ просыпается. Я даже рада, что он проснулся. Успокаивает мою ужасную дилемму. Он спит, я жадный, я несу все моральное бремя. Если он бодрствует со мной, мое моральное бремя уменьшается вдвое. О, в каком разнородном лабиринте глупостей я размышляю!

Он потягивается и выгибает спину, отчего его член становится еще более отчетливым, чем раньше.

Я мокрая и покалывает. Ты знаешь меня. Какой я бываю. Я уже говорил тебе об этом раньше. Я не выношу запаха собственного возбуждения. Это возбуждает меня еще больше.

Я сижу на диване и смотрю на Себа. Он сидит, трет глаза в каком-то счастливом оцепенении и смотрит на меня. Каждый свободный дюйм его лица расплывается в улыбке. Мама живут, а некоторые умирают много раз, ради таких моментов.

"Доброе утро, мама".

Я почти кончаю, когда он встает и потягивается, его эрекция подпрыгивает вверх-вниз. Я легко возбуждаюсь таким образом. Увидев выражение моего лица, он понимает, что не только голый, но и с огромным утренним деревом.

"О, мама, я не знал... Мне так жаль".

Зажав яйца в ладонях и изо всех сил стараясь прикрыть свой стояк, он бежит в ванную. Его милые попки сопровождают его.

Он оставляет дверь в ванную открытой. Полагаю, это врожденная привычка от одинокой жизни. Я слышу, как он мочится. Потом он принимает душ.

Я все еще мокрая. Я встаю и иду на кухню, чтобы проверить, готов ли кофе. Наливаю себе один. Выхожу на террасу. Потягивая кофе, я не могу отвлечься от мыслей о моем обнаженном сыне. Тело такое мускулистое. Прекрасные волосы на теле. В нем есть определенная мужественность, но не грубый пещерный человек.

У него огромный член, намного больше, чем у отца. Я никогда не видела такого длинного и толстого. Внушительный и в то же время какой-то эстетически нежный. Царственный вид.

Не то чтобы я особенно разбиралась в этих вещах. Это всего лишь второй взрослый мужчина, которого я видел во плоти. О, какое у меня скромное сексуальное резюме. Но все же, я знаю, что это мясо высшего сорта. Красное мясо высшего сорта, вскормленное мамой.

Итак, что сказал Фрейд? Бессознательное. Ничто не приходит неожиданно. Не бывает случайностей и совпадений. Так вот, для меня все выходит на первый план.

Я становлюсь все более влажной при одной мысли об огромной эрекции Себа. Потягивая кофе, я не могу удержаться и ласкаю свою влажную головку. Мои пухлые губы раздвигаются, когда мой палец погружается внутрь.

"Мама..."

Убирая руку, я встаю.

"Патю."

Он стоит в дверях, все еще мокрый после душа. Его полотенце обмотано вокруг талии. Он смотрит на меня смущенно.

"Мне очень жаль. Я просто не подумал".

"Не волнуйся. Я знаю, что это случайность. В любом случае, мне очень понравилось видеть, каким... взрослым ты стал".

"Спасибо, мама. Я так рада, что ты не расстроилась".

"Знаешь, ты всего лишь второй взрослый мужчина, которого я видела в пульсирующей плоти".

Продолжаю: "Ты уже знаешь, что я домашний нудист. Нагота не вызывает у меня чувства дискомфорта и не отталкивает меня".

Пауза.

"Просто... Я как бы не ожидал увидеть тебя... эээ... Ну, вы понимаете, о чем я. В последний раз я видел тебя, когда тебе было четырнадцать, разгоряченного и с высокой температурой".

"ЛОЛ! Думаю, я был так же удивлен. Я рад, что мы оба в порядке".

"Садись. Устраивайся поудобнее. Я принесу еще кофе".

Из кухни я вижу, что Себ голый стоит во внутреннем дворике, вытираясь полотенцем. Возвращаясь с кофейником, я наливаю кофе. Себ бросил полотенце на шезлонг. Он стоит голый, наслаждаясь великолепным сочетанием прохладного утреннего воздуха и теплого солнца. Я протягиваю ему кофе. Я сажусь.

Я долго сижу, потягивая кофе и глядя на него. Все это очень странно. Я должна быть опытной нудисткой. Я даже не знаю, является ли Себ нудистом. И вот я здесь, он голый, я одета.

Я не могу отделаться от мысли, что мой сын превзошел меня. Неужели он все это подстроил?

Себ говорит мне: "Мам, если тебе неудобно, я могу что-нибудь надеть".

"О нет! Просто я не могу забыть, каким взрослым и мужественным ты стал".

Пауза.

Продолжение: "Повернись. Дай мне посмотреть на тебя как следует".

Я не могу не восхищаться тем, как его мускулистая спина сужается к узкой талии, а затем к круглой попке. Его ноги мускулистые от бега на дистанции.

"Как ты оцениваешь, мама?"

"Я в полном восторге".

Пауза.

"Ты действительно красавчик. Знаешь, когда тебе было шесть лет, мы с папой думали тебя продать?"

Он садится на шезлонг лицом ко мне. Его ноги хорошо раздвинуты, что дает мне беспрепятственный обзор его большого мягкого необрезанного члена и большого мешочка. Произведение искусства в поисках художника. Я и есть этот художник. Я инстинктивно раздвигаю ноги чуть шире без особой причины.

Мы говорим все утро о том и о сем.

"Себ, ты нудист?".

"Честно говоря, я не знаю. Если человек живет один в квартире с абсолютным уединением, в том числе в открытом патио, и не заботится о своем состоянии одежды или раздевания просто потому, что это не имеет значения, так или иначе, потому что дома больше никого нет, это действительно нудизм? Или просто практичность?"

"Я понимаю, что вы имеете в виду. Наверное, у меня дома другая точка зрения, потому что я обнажена, а твой отец - нет. Всегда нужно обращать внимание на другого человека, хотя твой папа привык к моей наготы".

"Почему бы папе просто не присоединиться к тебе?"

"Нудист считает, что надевать одежду хлопотно. А твой отец - наоборот. Снимать одежду - это хлопотно. Я думаю, он думает, что если он снимет одежду, то в конце концов ему придется снова ее надеть. Двойное беспокойство. Если он одет, он остается одетым весь день".

"Хммм... это похоже на классического отца".

Немного нервно: "Мам, не хочешь устроиться поудобнее и присоединиться ко мне?"

"О, я не знаю... Да, я практикую домашний нудизм. То есть только я одна. Но я не думаю, что пока готова к этому здесь. Может быть, позже..."

"Я понимаю, мама".

"Есть планы на сегодня?"

"Я бы хотела пригласить тебя на обед в мой любимый тайский ресторан. Шеф-повар Кхун Киттибун был моим одноклассником. Его огненный Том Ям сожжет твои внутренности".

"Звучит неплохо!"

"И у меня на уме Джорджия".

"Я ее знаю?"

"Мы посещаем художественную галерею, где проходит выставка работ Джорджии О'Киф".

"Это она пишет крупным планом и масштабные картины с цветами?"

"Да. В ее цветочных картинах есть какая-то чувственность. Розы цветут вульгарно. Лепестки раскрываются больше, чем положено, на изящных стебельках. Некоторые даже угрожающие".

"Хммм... Вы слишком интерпретируете ее работы?"

"Вы знаете, что лепестки - это половые органы цветов?"

"Нет. Спасибо за это важное садоводческое открытие".

Смеется.

"Может, посмотрим онлайн фильм, когда вернемся домой, чтобы завершить день?"

"Отлично! Я тогда приведу себя в порядок и оденусь. Готова через 45 минут".

В ванной я сбрасываю с себя одежду. Я рассматриваю себя в зеркале. Мои губы, влажные и пухлые. Мои соски, эрегированные. Они могут разрезать стекло, если приложить к этому усилия. Интересно, заметил ли Себ мои стальные шпильки?

Потянувшись вниз, я погладила свою киску. Я провожу пальцами по своей киске, пока в моем сознании воспроизводятся образы эрекции Себа. Подпрыгиваю. Я вспоминаю метроном на пианино во время уроков музыки, когда мне было двенадцать. Музыкальность во всем этом.

После душа я надеваю белую прозрачную, крошечную G-стринг. Сквозь ткань виднеется мой подстриженный кустик. Из экономичных краев ластовицы выглядывают отростки. Лифчика нет. Легкое хлопковое летнее платье. Снизу я надеваю сандалии.

Я выхожу из ванной. Себ ждет меня. Шорты, прохладная рубашка поверх белой майки, мягкая бейсболка, сандалии.

У нас отличный день. Действительно, Том Ям от Кхуна Киттибуна сжигает тридцать процентов моих внутренностей по моим сырым подсчетам. Я просто обожаю его.

После этого Себ приводит меня в просторную ближневосточную кофейню, определенно современную и причудливую одновременно. Он заставляет меня пить убийственно черный, концентрированный и, прежде всего, густой кофе, который варится в большом кофейнике, чтобы пить его легкими глотками. Осадок поджаривает все мои внутренности.

Вот за что я люблю своего сына. Он мучает меня такими вещами, а я их люблю.

Чувствительный гуманист, настроенный на пух искусства, литературы, музыки и философии. Он может процитировать Марка Аврелия, опровергнуть Ницше, разрушить Сартра и сжечь резину, гоняя по субботним вечерам по городу со своими братьями.

Он любит думать обо всем. Он вынашивает идею и рассматривает ее с разных точек зрения.

Ему интересно, играет ли он со своей кошкой? Или его кошка играет с ним? Если он занимается любовью, то, скорее всего, задумается, трахается ли он для того, чтобы получить

удовольствие, или получает удовольствие от траха? Все это очень глубоко. Возможно, просто постановка вопроса является своего рода самоцелью.

Он берет то, что все знают, все думают, что знают, и проверяет это. Играет с этим.

В Себе есть немного от моего отца. Другие отцы рассказывали своим детям военные истории. Мой отец рассказывал антивоенные истории. О том, как его обмазывали перцовым спреем на той или иной антивоенной демонстрации. Как его обстреливали резиновыми пулями во время митинга против войны во Вьетнаме, матери всех митингов.

Отец придерживался идеи, что весь мир - это одна большая школа. Биологию можно изучать, глядя на лягушек и червей. Сексуальному воспитанию - у возбужденного жеребца на конном заводе. Дробям - делая пироги. Историю - из разговоров со стариками. И он любит сельскую местность, где всякая ерунда - это по-настоящему. Великая красота малых вещей может спасти нас.

На моего отца в значительной степени повлиял и сформировал его отец, то есть мой дед. Но, как ни странно, в обратном направлении. Дедушка был убежден, что если включить "Лестницу в небеса" Led Zeppelin задом наперед, то можно услышать какое-то злобное заклинание. Достаточно сказано о старике.

<http://erolate.com/book/2926/69946>